

³⁶ См.: Осадчая Г. И. Социальная сфера: теория и методология социологического анализа. М., 1996; Молевич Е. Ф. Общая социология. Курс лекций. М., 2003. С. 37–38.

³⁷ См.: Левада Ю. А. Лекции по социологии. М., 1969; Давыдов А. А. Системная социология. М., 2006.

³⁸ Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 534.

³⁹ Лапин Н. И. Социология: Учеб. пособие. М., 2006. С. 17; Богданов А. А. Из психологии общества. СПб., 1906. С. 57; Бороноев А. О., Ельмеев В. Я., Орлов В. Н. Указ. соч. С. 36.

⁴⁰ См.: Тощенко Ж. Т. Возможна ли новая парадигма социологического знания? // Социол. исслед. 1991. № 7; Более подробно см.: Он же. О понятийном аппарате социологии // Социол. исслед. 2002. № 9; Он же. Социология. М., 2005. С. 48–56.

⁴¹ См.: Волков Ю. Г. и др. Социология. М., 1997. С. 6; Григорьев С. И. Виталистская социология. Парадигма настоящего и будущего. Барнаул, 2001; Попова И. М. Социология. Введение в специальность. Киев, 1997. С. 133; Глезерман Г., Келле В., Филипенко Н. Исторический материализм – теория и метод научного познания и революционного действия // Коммунист. 1971. № 4; О структуре марксистской социологической теории. М., 1970. С. 12; Иванов В. Н. Социология в системе научного управления обществом. М., 1984. С. 6–9; Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 641; Кабыща А. В. Научный статус исторического материализма и предмет социологии // Социол. исслед. 1990. № 4. С. 16; Мацковский М. С. О систематизации понятийного аппарата социологии семьи // Социол. исслед. 1987. № 1. С. 18–27; Щербина В. В. Социология организаций // Там же. 2004.

Поступила в редакцию 24.07.12.

НИКОЛАЙ ГЕНОВ

ЕВРОПЕЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ КАК УПРАВЛЕНИЕ РИСКАМИ

Предметом изучения является аналитическая концепция структуры и динамики рискованных ситуаций. Суть проведенного анализа заключается в том, что в рамках концепции можно систематизировать условия дезинтеграции и меры по управлению кризисом. Меры дифференцируются на этапы и конкретные мероприятия по управлению рисками. Проанализированные этапы включают идентификацию риска, поиск причин риска и его оценку, реакцию на риск (управление рисками) и оценку этой реакции. В ходе анализа разграничиваются внутренние (национальные и региональные) и внешние (глобальные) экономические, политические, организационные и культурные детерминанты, позволяющие держать структуру и динамику рискованной ситуации под контролем. Основные результаты касаются иррациональности организационной встроенности кризиса в структуру Европейского валютного союза и проявляются в его функционировании. Еще одна ценность применяемого подхода к изучению кризиса еврозоны заключается в возможности концептуальной интеграции описаний и прогнозов по управлению рисками. Эта концептуальная интеграция открывает перспективу для сравнительного изучения управления продолжающимися рисками.

The object of study is an analytical conception of the structure and dynamics of risk situations. The carried-out analysis demonstrates the possibility to systematize the disintegration conditions and measures to manage a risk within the given conception. Measures are grouped according to stages and as definite ones of risk management. The analyzed stages include those of risk identification, search for risk causes and its estimation, reaction to risk (risk management) and risk estimation. Economic, political, organizational and cultural determinants enabling to keep the structure and dynamics of a risk situation under control are differentiated as internal (national and regional) and external (global) ones. The main results concern irrationality of the crisis' organizational building into the structure of the European currency union and are manifested in its functioning. One more advantage of the applied approach to learning the crisis in the Eurozone is the possibility to conceptually integrate the descriptions and prognoses of risk management. The conceptual integration opens the perspective for a comparative study of management of continuous risks.

Профессор, доктор наук Николай Генов возглавляет Институт глобального и регионального развития в Школе высших социальных исследований в Словении. Исследования автора последних лет направлены на изучение глобальных тенденций, регионального развития, трансграничной миграции и межэтнической интеграции (*Global Trends in Eastern Europe* (Ashgate, 2010); *Transboundary Migration in the Post-Soviet Space* (Co-Ed., Peter Lang, 2011); *Global Trends and Regional Development* (Ed., Routledge, 2012)). E-mail: nikolai.genov@fuds.si.

1. Изменение восприятия рисков

Интеграция обществ и государств в Европейский союз – наиболее передовая схема регионального сотрудничества в мире. Ее успех коренится в опыте двух мировых войн, осознании преимуществ крупных рынков, политической и военной безопасности, обеспечиваемой коалициями государств, а также принадлежностью к общей ценностно-нормативной традиции. В других частях света достижения европейской интеграции, как правило, рассматриваются как пример, которому необходимо следовать (Haller, 2012).

Тем не менее средства массовой информации регулярно снабжают граждан Европы сведениями о конфликтах и напряженности в самом Европейском союзе и о их распространении во внешних отношениях. И часто эта информация содержит тревожные нотки о надвигающихся рисках. Темы предупреждений меняются быстро, и это не связано исключительно с сообщениями средств массовой информации. Европейская интеграция включает множество процессов, склонных к риску. Их интенсивность и значимость могут возрасти и снизиться. В результате восприятие рисков, с которыми сталкивается европейская интеграция, меняется как у экспертов, так и у общественности в целом.

Вскоре после первого расширения Европейского союза на Восток основным риском для европейской интеграции стало включение в нее стран с более низким ВВП на душу населения. Широко распространенным стало представление о поглощении мощности Евросоюза в результате чрезмерного расширения. Эксперты предупреждали о конце углубления европейской интеграции (Альбер и Меркель, 2006). Другие эксперты подняли вопрос о причине, по которой европейские компании упустили волну инновационного развития информационных и коммуникационных технологий и показали свою слабость «в конкуренции с азиатскими странами в сфере производства и с США в сфере услуг» (Европейская комиссия, 2011а: 97). Третий (О'Салливан, 2009) предупреждал, что Европейский союз не заботится о необходимом уровне научного и технологического развития. Действительно, статистика фиксирует значительный сдвиг в мировом распределении патентных заявок. За короткий период 2000–2007 гг. число патентных заявок от азиатских стран значительно возросло (рис. 1). Несомненно, это может иметь далеко идущие последствия для позиции Европейского союза в мировой экономике и на политической арене, а также уровня жизни в странах ЕС (Европейская комиссия, 2011b: 19):

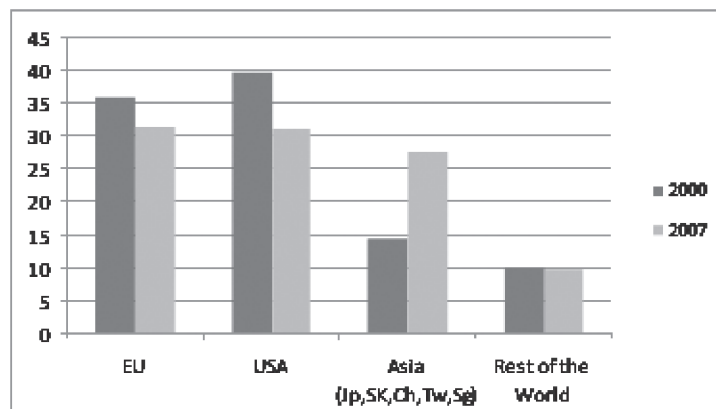

Рис. 1. Участие в НИОКР: патентные заявки (% от общей численности в мире)

Недавно Европейскому союзу пришлось столкнуться с проблемой, которая рассматривается как одна из наиболее серьезных в его истории. Эта проблема связана с уникальным сочетанием форм внутренней и мировой нестабильности. Риск касается еврозоны. Это решающее испытание для Евросоюза со времени введения единой валюты как основного достижения европейской интеграции. Долг ряда стран-участниц настолько велик, что их потенциальный дефолт может угрожать всему Европейскому валютному союзу. В более широком масштабе на всей территории Европейского союза отмечается снижение экономического роста, налоговые проблемы и ослабление банковского сектора. Эти структурные угрозы европейской

интеграции усиливаются благодаря неспособности политиков действовать быстро и решительно на основе европейской солидарности. Это относится и к мерам по урегулированию кризиса суверенного долга, особенно в случае с Грецией.

Эти экономические и политические проблемы стали основой для множества публикаций. Стоит отметить, что концептуальные рамки данных публикаций весьма скудные или отсутствуют вообще. Может ли теоретический опыт социальных наук быть полезным для распутывания взаимосвязанных компонентов и изучения динамики последних рисков для еврозоны и соответственно европейской интеграции? А точнее, может ли аналитическая концепция рисков помочь в решении данной задачи?

2. Аналитическая концепция ситуаций риска

Под *риском* далее понимается *вероятность наступления дисфункциональных последствий для социальных систем*. Акцент на концепции рисков ситуаций не предполагает рассмотрения современного общества как чрезвычайно подверженного рискам, как *общества риска как такового*. В условиях стихийных бедствий или социальных кризисов, войны или беспорядков общества всегда были «обществами риска» на протяжении всей истории человечества. Но индивидуалистические, ориентированные на достижения и в значительной степени секуляризированные современные общества выработали особую *культуру риска*. Она основывается на рациональном восприятии и оценке факторов риска, а также на традициях рационального управления рисками. Эта культура риска и ее институциональные основы определяются *величиной интенсивности риска с учетом техногенных рисков*, что происходит на фоне *всепроникающей конкуренции*, имеющей место в условиях постоянных изменений и неопределенности (Repp, 2008).

Для преодоления рисков в развитых демократических обществах разработана система безопасности для защиты отдельных людей, групп и организаций с ограниченными шансами на успех или провал. Защита от таких рисков, как старость, болезнь, бедность или безработица, рассматривается как вопрос обеспечения всеобщих прав человека. Система безопасности включает государственную поддержку благосостояния и индивидуального страхования, направленную на социализацию рисков и укрепление социальной интеграции. Кроме того, они являются факторами, способными снизить предрасположенность к риску (Gill, 2007). Таким образом, особой проблемой экономически развитого демократического общества является баланс (или дисбаланс) наличия или отсутствия склонности к риску. *Практическая* задача заключается в том, чтобы обеспечить баланс между необходимостью институционального управления рисками и сохранением достаточных возможностей для риска со стороны отдельных лиц, групп и организаций.

Происходящие быстрые технологические, экономические, политические и культурные изменения сами по себе являются факторами риска. В них заключается причина нестабильности. Маркетизация и демократизация сталкивает индивидов, группы и организации с необходимостью ответственности за решения и поступки в условиях постоянных изменений и неопределенности. Корни традиционалистских и авторитарных институциональных структур лежат в европейском прошлом. Кроме того, отдельные лица и общества столкнулись с опытом глобализации рисков. Изменения национальных и региональных институциональных рамок коренятся в европейском прошлом. Кроме того, индивиды и общества имеют опыт *глобализации рисков*. Изменения национальных и региональных институциональных рамок все больше подвержены влиянию мировых тенденций (Hertwig et al., 2010). Таким образом, существует ряд теоретических и практических причин для особого внимания к взаимодействию рисков в европейском обществе, а также к современным мировым преобразованиям. В широком смысле можно предположить, что концепция риска (рис. 2) может сыграть важную роль для раскрытия разных измерений в динамике ситуации формирования нашего настоящего и будущего социальной реальности.

Во-первых, ожидается, что концепция риска позволит провести когнитивную редукцию и систематизировать факторы и последствия риска. Этого можно достичь посредством воссоздания полной картины *объективных и субъективных* параметров рисков ситуаций. Этот же потенциал концепции рисков можно использовать и для прояснения отношений между *латентными* и уже *очевидными* призна-

ками риска. Источниками обоих типов рисков являются естественная и технологическая *окружающая среда*, ориентации и действия *отдельных лиц, организационные структуры и характер принятия решений* в экономике и политике, а также *культурные факторы*, такие как знания, ценности и нормы.

Учет	Способ действия	Прогноз	Норма
Какой эффект?	→ ОЦЕНКА РЕАКЦИИ (УПРАВЛЕНИЕ) →	Какой будет эффект?	→ Какие критерии оценки приемлемы?
Кто реагирует, каким образом?	→ РЕАКЦИИ (УПРАВЛЕНИЕ) →	Кто будет реагировать, каким образом?	→ Какие формы реакции приемлемы?
Какова интенсивность риска?	→ ОЦЕНКА РИСКА →	Какая будет интенсивность риска?	→ Какая интенсивность риска приемлема?
Кто (что) вызывает риск?	→ ПОИСК ПРИЧИНЫ (ПРИЧИН) →	Кто (что) будет вызывать риск?	→ Какие причины риска приемлемы?
Что представляет опасность?	→ ИДЕНТИФИКАЦИЯ РИСКА →	Что будет представлять опасность?	→ Данный риск приемлем?

Рис. 2. Аналитические измерения ситуации риска

Источник. Genov 1999: 36.

Во-вторых, дифференцированная концепция рисков делает возможным идентифицировать *субъектов*, вовлеченных в ситуацию риска, их восприятие, отношение и оценку. Кто находится в зоне риска? Кто может стать ключевой фигурой в области управления рисками? Могут ли потенциально подверженные риску индивиды и группы участвовать в идентификации, оценке и управлении рисками, или этот процесс ограничивается кругом экспертов и руководителей? Существует множество ситуаций, в которых индивидуальные и групповые субъекты, наиболее подверженные угрозе риска, оказываются наименее способными управлять рискованной ситуацией. И наоборот, в наиболее неблагоприятном положении индивиды, группы и организации, как правило, подвержены самым интенсивным угрозам риска. Как субъектам координировать свои усилия по управлению рисками и в каком направлении?

В-третьих, фокусируясь на условиях риска, можно ставить вопрос о *социальных отношениях*, способствующих либо препятствующих адекватному восприятию, оценке и отношению к риску. Какие типы социальных отношений (иерархия и ассоциация, кооперация или конфликт, доверие или недоверие и т. д.) преобладают в данной исторической системе факторов риска? Скоординированы ли действия субъектов в процедурах управления рисками? Или доминируют конкуренция и конфронтация?

В-четвертых, продолжительность восприятия, оценки и отношения к риску соответствует стадиям процесса социального действия. Подобная трактовка ситуаций риска позволяет анализировать краткосрочные и долгосрочные перспективы производства и воспроизводства техногенных рисков. Аналитики обязаны знать, какое время занимает осознание риска. Есть ли существенная разница в осознании риска экспертами и «простыми» людьми, различными группами и слоями общества? Сколько времени нужно для получения адекватной оценки данного риска? Сколько времени нужно, чтобы разработать и применить стратегию управления рисками, и как это было бы на самом деле? Формализованы ли эти процессы юридически и организационно, или остаются по большей части неформальными?

В-пятых, можно попытаться систематизировать качественные и количественные показатели потенциальных факторов риска и степени их влияния на систему социального взаимодействия. Аналитик может выявить величину, значимость, степень управляемости и т. п. различных рисков в зависимости от восприятия и оценок экспертов и «простых» людей.

В-шестых, актуальность концепции рисков для изучения кризисных ситуаций заключается также и в том, что она позволяет осуществить детальную операцио-

нализацию факторов риска, подходов к управлению рисками и их последствий. Особый вопрос – что, где, когда, в какой степени и почему риск представляет опасность для индивидов, групп и организаций. Кто, почему, каким способом и с каким результатом управляет рисками? Описания, объяснения и прогнозы, касающиеся рисков и управления ими, могут быть успешно трансформированы в нормативные требования для преодоления ситуаций риска.

Перечисленные аргументы можно представить в виде следующей схемы (см. рис. 2).

Как использовать описательные, объяснительные и прогностические возможности представленной концепции для анализа европейского кризиса суверенного долга, шокировавшего еврозону, Европейский союз и глобальные экономические структуры в период между 2010 и 2012 гг.?

3. Управление кризисом в еврозоне как управление рисками

Анализ начинается с *идентификации риска* и завершается *оценкой реакции на риск*.

3.1. Идентификация риска

В соответствии с Маастрихтским договором (1992) национальные финансы, так же как и вопросы миграции и социальной политики, остались в юрисдикции государств – членов Европейского союза. В ходе реализации договора стало очевидно, что правительства Греции, Италии, Португалии и некоторых других членов еврозоны тратили гораздо больше, чем могли позволить доходы их бюджетов. Разница покрывалась за счет заемных средств от отечественных и зарубежных банков, страховых компаний, инвестиционных и пенсионных фондов.

Эта политика могла бы продолжаться долго, если бы глобальный финансовый и экономический кризис 2008 г. не обострил чувствительность в результате банкротства крупных банков, таких как «Леман Бразерс», и компаний типа «Фредди Мак» и «Фанни Мэй» в Соединенных Штатах. Возросла осведомленность о потенциально разрушительных последствиях кризиса суверенного долга, в частности государств еврозоны (*идентификация риска*). Стало ясно, что потенциальный дефолт Греции может иметь эффект домино для дестабилизации экономики стран-кредиторов и нарастания дефолта в других государствах еврозоны. Аналитики пришли к выводу, что такое развитие событий может привести (*прогнозирование*) к интенсификации рисков для еврозоны, Европейского союза и глобальной экономической стабильности. Таким образом, риск наращивания суверенных долгов *стал неприемлем*.

Сигналом надвигающегося кризиса стали резкое наращивание государственного долга, искаженное сальдо счетов текущих операций и государственных бюджетов членов Европейского валютного союза в ситуации снижения экономического роста.

Таблица 1

Основные показатели ситуации риска в еврозоне¹

Страна	Прирост реального ВВП (годовой %) ^а			Сальдо счета текущих операций (%) ^б			Дефицит бюджета (% от ВВП) ^в	Общий государственный долг (% от ВВП) ^г
	2007 г.	2010 г.	2011 г.	2007 г.	2010 г.	2011 г.		
Австрия	3,7	2,3	3,1	3,5	2,7	3,0	-2,6	72,2
Финляндия	5,3	3,7	2,9	4,3	1,4	-0,7	-0,8	48,6
Германия	3,4	3,6	3,1	7,4	6,1	5,7	-1,0	81,5
Нидерланды	3,9	1,6	1,3	6,7	6,6	7,5	-5,0	66,2
Греция	3,0	-3,5	-6,9	-14,4	-10,0	-9,7	-9,2	160,8
Ирландия	5,2	-0,4	0,7	-5,3	0,5	0,1	-9,9	105,0
Италия	1,7	1,8	0,4	-1,2	-3,5	-3,2	-3,9	120,1
Португалия	2,4	1,4	-1,5	-10,1	-10,0	-6,4	-4,0	106,8
Испания	3,5	-0,1	0,7	-10,0	-4,6	-3,7	-8,5	68,5

Источник. ^аIMF 2012a: 191; ^бIMF 2012a: 209; ^вIMF 2012b: 61; ^гIMF 2012b: 67.

Было бы наивно полагать, что риск кризиса суверенного долга не осознавался ранее. Тем не менее финансовые институты и заинтересованные политические

¹ Данные об Австрии, Финляндии, Германии и Нидерландах приводятся для сравнения показателей экономической ситуации в странах, подверженных риску.

стороны дипломатично наблюдали за накапливающимся напряжением. Момент истины наступил одновременно с реакцией на финансовых рынках, которые столкнулись с угрозой дефолта греческих облигаций, сопровождающегося быстрым ростом доходов по новым кредитам для данного клиента. Финансовые рейтинговые агентства способствовали этому процессу. Дефолт греческого государства превратился в неминуемую опасность (Nelson и соавт., 2011).

3.2. Поиск причины (причин) риска

Основной причиной надвигающегося кризиса суверенного долга считается слабость политики государственных расходов в государствах – членах еврозоны. Данное объяснение является упрощенным и не распространяется на все случаи кризиса национального суверенного долга. Несомненно, ряд правительств стран ЕС купили общественное спокойствие путем перерасхода средств. Последствия такой политики стали разрушительными в контексте экономического спада в связи с мировым финансовым и экономическим кризисом 2008 г. Но причины и поводы появления кризиса суверенного долга гораздо сложнее и возникли задолго до кризиса.

Некоторые из них, такие как клиентурная политика партий, являются внутренними. Эта политика приводит к патологическому усилению государственного администрирования и связанных с ним расходов, как это произошло в Греции. Тем не менее основные причины и поводы кризиса суверенного долга следует искать преимущественно в проблемах конкурентоспособности национальных экономик в еврозоне. Дефицит менее конкурентоспособной национальной экономики, как правило, уравнивается за счет инвестиций или заимствований от институтов профицита счета текущих операций в еврозоне. Это мировая практика, но она приобретает особую актуальность в контексте европейской интеграции. Государства – члены еврозоны не могут искусственно уменьшить свою задолженность, раздувая инфляцию. В результате некоторые страны еврозоны накопили большие долги, когда кредиты были еще доступны. Правительства столкнулись с последствиями этого в условиях всеохватывающего экономического кризиса.

Ситуация с менее конкурентоспособными национальными экономиками дополнительно осложняется возможностью кредиторов диктовать условия возврата кредитов. Эти условия особенно неблагоприятны для государств, имеющих высокие и долгосрочные дефициты бюджетов. Решения рейтинговых агентств и сообщения массмедиа демонстрируют увеличение доходности по кредитам от стран, имеющих проблемы с бюджетом. В этой связи финансовая система в еврозоне, в Европейском союзе, да и вообще в мире работает как неуправляемое казино (Sinn, 2010: 108 f.). Маастрихтский договор не внес никаких механизмов финансового регулирования в еврозону для снижения риска финансовых спекуляций или спекуляций на рынках недвижимости. В более широкой перспективе вследствие сопротивления членов ЕС отказу от финансового суверенитета содержание и реализация договора были весьма далеки от идеала оптимальной валютной зоны (Mundell, 1968: 177 f.). Отсутствие баланса между странами вследствие профицита платежного баланса и дефицита, так же как и отсутствие единого регулирования заработной платы и налогообложения, было заранее известно и установлено.

Потребовалось время, прежде чем министры финансов еврозоны *публично признали* причины возникающих рисков кризиса суверенного долга. Дипломатической практики обсуждать их открыто не было. Однако в критических обстоятельствах пришло время признать, что колебания греческого правительства привели к падению конкурентоспособности греческой экономики. Основные политические партии в стране привлекали своих клиентов, предлагая им работу в системе государственного управления. Политики покупали политическую поддержку, повышая зарплату и пенсии. Десятилетиями греческое государство несло чрезмерные расходы на оборону. В то же время греческое правительство известно неэффективностью налогообложения. Бюджетные расходы не могут быть покрыты за счет налоговых поступлений.

В результате государственный долг Греции достиг уровня ВВП в стране уже в конце XX в. Нарастающие финансовые угрозы искажались государственной статистикой с целью обеспечения возможности присоединения к еврозоне. Позже манипуляции с данными о дефиците бюджета стали обычными для греческого правительства. Самым простым объяснением такого рискованного обращения с государст-

венными финансами является то, что экономически несостоятельная политика, направленная на пользу различных частей населения, получила его поддержку, в то время как строгая бюджетная политика столкнулась с публичными протестами (Manolopoulos, 2011: 81 f.). Огромные потери греческого туризма и судоходства во время кризиса 2008 и 2009 гг. стали только толчком к началу кризиса греческого суверенного долга, предпосылки которого накапливались очень давно.

Хотя внутренние причины и поводы греческого финансового кризиса были *определены*, это не коснулось ряда недостатков в законодательстве и функционировании самого Европейского союза. Неправильное управление греческой экономикой осуществлялось под административным крылом Евросоюза и было связано со злоупотреблением большими субсидиями ЕС. Это стало возможным благодаря нелиберальной философии Маастрихтского договора. Значение преимуществ экономической интеграции в нем не соответствует соображениям политического регулирования экономических процессов (Busch and Hirschel, 2011). Причина этой стратегии односторонней интеграции заключается в необходимости избежать препятствий экономической интеграции. Открытые призывы к углублению политической интеграции незамедлительно подняли оппозиционные выступления в Евросоюзе. Однако с течением времени европейские политики все меньше стали пренебрегать возражениями против маастрихтских критериев, касающихся бюджетного дефицита. Они поняли, что накопление суверенных долгов *более неприемлемо* в контексте европейской интеграции. Противоречие между призывами политиков к более жесткому контролю национального бюджета и их оппозиция против углубления европейской политической интеграции не могут больше существовать. Это противоречие препятствует своевременному и эффективному принятию решения по управлению рисками.

3.3. Оценка риска

С учетом сложности ситуации потребовалось много времени, чтобы достичь консенсуса в оценке рисков, связанных с надвигающимся дефолтом греческой финансовой системы. Следующие вопросы приобрели актуальность для европейской интеграции. Каким может быть влияние спонтанного или регулируемого дефолта греческого государства на его экономику и общество? Каким может быть влияние греческого дефолта на членов еврозоны? Каким будет это влияние для Европейского валютного союза? Последнее, но не менее важное, это вопрос о том, является ли широкое распространение солидарности стран – членов ЕС ориентиром для реализации политики или это просто тема для дипломатических переговоров?

Итогом обсуждения стал вывод, что случай с Грецией – своеобразная проверка жизнеспособности Европейского валютного союза. Таким образом, дефолт греческого государства был определен как *непосредственная угроза* организации. Управление рисками, связанными с данным конкретным кризисом суверенного долга, следовало рассматривать как коллективную ответственность и организовывать соответственно. Аргументом стало то, что отказ в поддержке или недостаточной поддержке греческих государственных финансов подорвет доверие инвесторов в еврозоне и может спровоцировать цепную реакцию («заражение») дефолтов в других странах. *Такая интенсивность риска не могла быть приемлемой.*

Таким образом, перспективы контролируемого или спонтанного дефолта Греции и потенциальное влияние дефолта на состояние греческих и мировых финансов стали основными показателями оценки риска. Некоторые аналитики утверждали, что вариант упорядоченного дефолта должен быть немедленно организован путем повторного введения и девальвации греческой драхмы. Это открыло бы перспективы для стабилизации греческой финансовой системы в обозримом будущем. Контраргументом стало то, что кредиторы в этом случае потеряют большую часть своих кредитов, что спровоцирует далеко идущий дисбаланс в международной финансовой системе. Что последует за этим, можно предвидеть только частично. Другая линия объяснения связана с тем фактом, что вопрос о включении или исключении членов Европейского валютного союза не является предметом Маастрихтского договора. Кроме того, большая часть греческого населения не желает покинуть еврозону. Таким образом, стали очевидны две стратегические альтернативы. Первая – это скоординированные действия для финансовой поддержки греческого правительства, требующие внесения изменений в Маастрихтскую орга-

низационную структуру. Вторая – радикальный пересмотр этой структуры со всеми вытекающими последствиями для институтов, стран, Европейского союза и, возможно, мира (Lorca-Susino, 2010: 183 f.; Lynn, 2010: 223 f.).

3.4. Реакция на риск (управление рисками)

Следовательно, в противовес неолиберальному духу Маастрихтского договора интервенционистская политика Евросоюза стала неизбежной в критических условиях. *Управление изменениями должно было стать управлением интенсивностью рисков.* Долгосрочная работа на национальном уровне и уровне ЕС продемонстрировала сложности в обеспечении баланса национальных интересов (Bastasin, 2012). Наконец, обсуждения и переговоры привели к какому-то результату. В мае 2010 г. был создан Европейский фонд финансовой стабильности с бюджетом 750 миллиардов евро, уполномоченный провести комплекс мероприятий по выводу стран из кризиса. Совместно с Международным валютным фондом страны еврозоны немедленно предложили перечень мер на сумму 110 миллиардов евро для Греции после того, как национальный долг был разделен и доходность по греческим государственным облигациям взлетела до небес. Были одобрены операции по спасению банка Ирландии, а также перечень спасательных мер для Португалии. Параллельно Европейский центральный банк решил оказать щедрую поддержку греческому правительству, покупая его облигации, несмотря на их нежелательный статус. Аналогичная процедура применена к ирландским и португальским государственным облигациям.

Существенная поддержка греческих государственных финансов стала возможной после того, как греческое правительство объявило о долгосрочных мерах жесткой экономии, включая сокращение занятости и заработной платы в государственном секторе, изменения в пенсионной системе, повышение НДС и приватизацию государственной собственности компаний. Меры жесткой экономии спровоцировали массовые беспорядки. Основным политическим аргументом протестующих был отказ страны от финансового суверенитета, который трудно поставить под сомнение. Основой для поддержки стало движение в сторону ужесточения бюджетного контроля государств ЕС со стороны европейских институтов. А это подразумевало углубление экономической и политической интеграции в еврозоне и соответственно в Европейском союзе.

Решение, принятое правительствами еврозоны в июле 2011 г., предусматривало кредитные линии для стран еврозоны, имеющих трудности на финансовых рынках, и явилось практической основой для движения в этом направлении. Эти организационные изменения стали возможны после существенного увеличения средств, выделяемых на операции по спасению банков. Таким образом, углубление европейской интеграции *стало приемлемым* в критических условиях. В то же время было ясно, что греческому государству будет нужен второй транш поддержки, чтобы избежать дефолта государственных финансов. Соглашение между правительством Греции и представителями ЕС, МВФ и Европейского центрального банка о выделении 130 миллиардов евро было подписано в феврале 2012 г. и сопровождалось решением о второй волне мер жесткой экономии в Греции. Еще одним условием было взаимодействие греческого правительства с частными кредиторами с целью уменьшить величину государственного долга им на 53,5 %. Этот уникальный случай реструктуризации суверенного долга Греции может служить примером для других стран еврозоны, находящихся под финансовым давлением.

Руководствуясь данной линией, Европейский союз расширил свои возможности по управлению критическими финансовыми ситуациями в государствах-участниках. Временный Европейский фонд финансовой стабильности (EFSF) планируется заменить постоянным европейским механизмом стабильности с бюджетом по спасению банков в размере 500 миллиардов евро в 2012 г. Наиболее радикальный шаг в направлении углубления экономической и политической интеграции (Togati, 2011) в ЕС был предпринят в декабре 2011 г. Совет Европы, за исключением Соединенного Королевства, принял новаторское решение о применении строгого финансового контроля со стороны ЕС за бюджетной политикой государств-участников.

3.5. Оценка реакций (управление рисками)

Необходимость вмешательства в финансовые процессы вопреки договору о функционировании Европейского союза явно демонстрирует его организацион-

ную уязвимость (Lorca-Susino, 2010: 111 f.). Длительная задержка, колебания и различные формы открытой или скрытой оппозиции (реакция финских и словацких политиков) в ходе осуществления спасательных мер для Греции выявили проблемы европейской интеграции. Несмотря на актуальность вопроса о солидарности, решение о принятии спасительных мер в первую очередь было вызвано опасением больших потерь, если поддержка не будет оказана.

Тем не менее среди экспертов нет единого мнения относительно спасательных мер и их эффективности. Некоторые из них продолжают считать, что контролируемый дефолт греческого государства был бы лучшим вариантом управления ситуацией риска, другие настаивают на том, что финансовая поддержка Греции была оказана слишком поздно и в недостаточном объеме, так как это было связано с высокой ставкой доходов и решительными мерами жесткой экономии. Это препятствует необходимому ускорению роста экономики в Греции, еврозоне и Европейском союзе в целом (Andini and Cabral, 2012).

Существенная поддержка греческому правительству подняла деликатный вопрос о государственно-частном партнерстве, так как эта поддержка должна была защитить будущую доходность по кредитам, предоставленным греческому правительству частными учреждениями. Было понятно, почему политики обратились к частным финансовым институтам для поддержания греческой экономики. Таким образом, решение об участии частных институтов в спасательных мерах является положительным исходом в управлении рисками.

Но самым важным результатом мер, принятых в поддержку греческой экономики, безусловно, стало создание института, названного постоянным Европейским стабилизационным механизмом (ESM). Его задача состоит в постоянном надзоре за финансовой политикой стран – членов ЕС. Таким образом, управление кризисом суверенного долга Греции явилось переломным моментом в модернизации организационной рациональности Европейского союза. Это развитие, разделяемое, конечно, не всеми государствами – членами ЕС, стало возможным вследствие потребности в управлении рисками. Ключевой проблемой, которая должна быть тщательно изучена в этом контексте, является большой объем финансовых средств, необходимых для ESM, чтобы он действительно активно и эффективно мог поддерживать такие крупные экономики, как испанская и итальянская. Сбор такого большого количества залоговых денег будет означать сильное экономическое и политическое давление на другие государства – члены ЕС. Этот вопрос будет оставаться на повестке дня Европейского союза и в долгосрочной перспективе (De Grauwe, 2011).

Может ли выдача еврооблигаций быть лучшим решением проблемы, еще предстоит выяснить (Delpla and von Weizsäcker, 2011). Мнения политиков и экспертов в этом отношении также разделились. Ключевой момент спора касается организационной структуры выпуска и использования облигаций. Независимо от финансовых инструментов, которые будут задействованы, их применение не может быть эффективным без учреждения, которое будет играть роль европейского министерства финансов. Оно будет осуществлять контроль за государственными бюджетами, фискальной политикой и международной конкурентоспособностью стран – членов ЕС. Функционирование этого механизма, как ожидается, станет огромным шагом вперед в направлении европейской политической интеграции. Однако в настоящее время растет евроскептицизм в условиях изменений правительств европейских стран, в связи с чем дальнейшей централизации бюджетной и налоговой политики в ЕС будет трудно достичь. Если централизация будет условием для выпуска еврооблигаций, то перспективы европейской экономической и политической интеграции могут быть не столь очевидны (The Euro Area Crisis, 2012: § 65–70).

Эти организационные изменения имеют смыслозизненное значение в повседневной жизни граждан Европейского союза (Allen, Carletti and Corsetti, 2011). Поэтому удивителен тот факт, что граждане никаким образом не вовлекались в принятие решений. Фундаментальный вопрос, насколько демократическим является такой способ работы с рисками, остается открытым (Collignon, 2010). Эта проблема не имеет отношения к изоляции избирателей от принятия решений и контроля. Даже национальные политики, такие как члены греческого парламента, находились под огромным давлением, чтобы принять курс, разработанный вне страны.

Другой деликатный вопрос связан с проблемой управления рисками преимущественно посредством мер жесткой экономии. Эксперты Международного валютного фонда предложили рассмотреть проблему укрепления частного спроса как потенциально наиболее эффективный способ для управления рисками, поскольку экономический рост – единственное решение финансовых проблем в долгосрочной перспективе (Blanchard, 2011: XIII). Еще одной проблемой является то, что применение мер жесткой экономии – типичный способ социализации рисков. Тем не менее существует ряд лиц, групп и организаций, которые существенно выиграли благодаря политике, приведшей к рискам. Они приватизировали прибыль и, как правило, менее всего страдают от мер жесткой экономии при управлении рисками. Кроме того, можно предположить, что именно эти лица и группы надеются на наибольшую прибыль от реализации планов государственно-частного партнерства в решении долгового кризиса. Насколько эта модель управления рисками соответствует ожиданиям социальной справедливости – этот вопрос остается открытым для дальнейшего обсуждения.

Споры об углублении европейской интеграции и основе солидарности имеют смысл только в том случае, если исключение экономически менее конкурентоспособных стран с высокой задолженностью из еврозоны не будет наиболее эффективным способом управления риском кризиса суверенного долга. Если лучшим способом для уменьшения задолженности государства будет повторное введение национальной валюты и ее обесценивание, как утверждают некоторые аналитики, то этот вариант должен быть еще раз серьезно проработан. Создание Европейского стабилизационного механизма не является препятствием в этом отношении. Наоборот, он мог бы обеспечить лучшие организационные условия для преодоления дефолта государств с высокой задолженностью. Это лишь один пример того, что требуется время для проработки и применения *критериев оценки* предпринятых мер по управлению рисками.

4. Заключение

Применение аналитической концепции рисков к исследованию проблемы кризиса суверенного долга продуктивно в двух отношениях. *Во-первых*, концепция оказалась эффективным инструментом анализа аспектов сложных динамических ситуаций. *Во-вторых*, изучение этих аспектов открывает путь к систематическому анализу и заключениям.

Следование второй линии анализа долгового кризиса в еврозоне демонстрирует пример того, как затягивание принятия решения вызывает панику в деятельности по усилению рациональности даже самых передовых способов макрорегиональной интеграции. Решающим сдвигом в этом направлении является создание *де-факто* Европейского казначейства. Инновации в контексте управления ситуацией риска стали возможны. Таким образом, улучшение и рационализация организации европейской интеграции осуществились под давлением обстоятельств *специальным* образом, что продемонстрировало недостаток стратегических представлений о развитии наднациональной интеграционной модели. Тем не менее предпринимавшие действия предотвратили взрыв беспорядков в еврозоне и за ее пределами. Результат соответствует изучаемому процессу управления рисками. Недостатка внимания к изучению данного процесса не было (Semieniuk et al., 2011). Данное заключение особенно важно, поскольку мы наблюдаем все большее число, разнообразие и значимость макрорегиональных организаций, копирующих опыт стран ЕС.

В этой связи следует отметить, что кризис суверенного долга в еврозоне имеет очень много общего с иррациональной организацией, существующей в Европейском экономическом и валютном союзе. Он не имеет демократически узаконенного органа, предназначенного для своевременного и эффективного выявления возникающих рисков и принятия быстрых и адекватных решений и мер. Причина этого проста. Национальные правительства зависят от избирательных округов. Этот статус-кво до сих пор препятствует развитию организованной рациональности, совмещающей продвижение экономической интеграции в Европейском союзе с политической интеграцией. Она необходима для эффективного управления сложными проблемами международной конкурентоспособности национальных экономик в странах – членах ЕС. Сам по себе являясь организационным достижением, европейский

стабилизационный механизм по-прежнему ориентирован на смягчение последствий этой организационной неэффективности, но не на их радикальное устранение.

Для этой цели сложной политической интеграции необходимо регулирование финансовых потоков в Европейском союзе. В противном случае сохранение международных экономических дисбалансов будет продолжать производить и воспроизводить ситуации риска, подобные греческому долговому кризису. Многие технические детали, касающиеся вопроса о том, как этот дисбаланс может быть успешно преодолен, еще остаются предметом дискуссий. Но стратегическое направление очевидно. Следует укрепить внутренний спрос в структуре сальдо торгового баланса, в то время как в национальных экономиках имеет место торговый дефицит. Согласованно действовать смогли бы только общие институты. Они должны осуществить шаги к интеграции в заработной плате и налоговой политике, так же как и в социальной политике. Экономическая интеграция, управляемая рыночными силами, не может быть долгосрочным решением данной проблемы. Карл Поланьи, конечно, был прав, анализируя подобные ситуации: «Если позволить рыночным механизмам решать судьбу человечества и окружающей среды... это приведет к разрушению общества» (2001 [1944]: 73).

Внедрение европейского стабилизационного механизма могло бы частично дать ответ для решения проблемы. Однако этот ответ ставит другой фундаментальный вопрос: какие группы или какие государства получают наибольшую прибыль, приложив усилия для обеспечения баланса национальных экономик в Европейском союзе? Или какие группы и какие государства потеряют больше всего? Вопрос достаточно сложный, поскольку сбалансирование международных финансовых потоков не может быть внутренней задачей только Европейского союза. Глобальные механизмы регулирования необходимы для того, чтобы избежать глубокой рецессии, такой как глобальный кризис 2008 г., который по-прежнему сказывается на состоянии национальных и региональных экономических балансов. Тот факт, что эффективные глобальные механизмы регулирования не были введены и до сих пор не применяются, указывает на трудности в установлении баланса отдельных интересов и ожиданиях прибыли или потерь в результате глобального регулирования финансовых потоков.

Еще один урок из управления греческим суверенным долгом связан с распределением обязанностей. Кто на самом деле ответственный за ситуацию, приведшую к кризису суверенного долга, и кто должен быть наказан за это? Население Греции пострадало от мер жесткой экономии. Является ли население тем субъектом, который привел к кризису? Можно продолжать дискуссии, ссылаясь на национальные традиции, особенности потребления и т. д. Но решение стратегически следовать конкретным традициям и формам потребления было принято политиками. Это решение было поддержано международными кредиторами, желающими получать прибыль. Так кто из субъектов должен быть обвинен во введении мер жесткой экономии, приведших к ситуации риска и нежелательным последствиям? Это вопрос не правосудия, а изменения организационных структур.

Важный урок, который можно извлечь из данного обсуждения, касается необходимости реагировать на внешние и внутренние вызовы ЕС посредством содействия экономическому росту (Carlin, 2011: 9). Простая истина заключается в том, что эффективная консолидация бюджета возможна в условиях экономического роста и повышения занятости. Точнее, важным вопросом является укрепление экономического роста в странах, которые особенно пострадали от кризиса суверенного долга и прошли через экономический спад. Решение этой двусторонней проблемы совместными усилиями является важной проверкой эффективности европейской солидарности. Тщательно проработанная и реализованная политика еврооблигаций, вероятно, может стать опорой для укрепления этой солидарности. Без нее европейская интеграция может столкнуться с более интенсивными рисками и разрушительными последствиями. Как можно укрепить европейскую солидарность в условиях настроений и политики евроскептицизма – вопрос, не имеющий однозначного ответа. Ответы должны быть даны на местах. Местные решения должны быть достаточно убедительными и гибкими, если европейская интеграция продемонстрирует успехи в урегулировании проблем местного значения. Реализа-

ция этой задачи требует воображения, рационального расчета и решительных действий. Это сложная и перспективная исследовательская задача – сравнительный анализ ряда усилий по управлению динамикой ситуаций риска с применением аналитической концепции рисков.

ЛИТЕРАТУРА

- Alber J. and Merkel W. (Eds.) (2006). *Europas Osterweiterung: Das Ende der Vertiefung*. Berlin: edition sigma.
- Allen F., Carletti E. and Corsetti G. (Eds.) (2011). *Life in the Eurozone with or without Sovereign Default?* Florence: European University Institute.
- Andini C. and Cabral R. (2012). *Further Austerity and Wage Cuts Will Worsen the Euro Crisis*. Bonn: IZA, <http://ftp.iza.org/pp37.pdf> (30.04.2012).
- Arestis P. and Sawyer M. (Eds.) (2012). *The Euro Crisis*. Basingstock: Palgrave Macmillan.
- Bastasin C. (2012). *Saving Europe: How National Politics nearly Destroyed the Euro*. Washington, D. C.: Brookings Institution.
- Beblavý M. (Ed.) (2011). *The Euro Area and the Financial Crisis*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Blanchard O. (2011)., 'Foreword'. In: *World Economic Outlook, September. Slowing Growth, Rising Risks*. Washington, DC: International Monetary Fund, pp. XIII–XIV.
- Busch K. and Hirschel D. (2011). *Europe at the Crossroads. Ways Out of the Crisis*. Berlin: FES.
- Carlin W. (2011). *10 Questions on the Crisis in the Eurozone*. London: University College, http://www.ucl.ac.uk/european-institute/comment_analysis/eurozone (30.04.2012).
- Collignon S. (2010). *Democratic Requirements for a European Economic Government*. Berlin: Friedrich-Ebert-Stiftung.
- Delpla J. and von Weizsäcker J. (2011). *Das Blue Bond-Konzept und seine Implikationen*. Berlin: FES.
- The Euro Area Crisis* (2012). London: UK Parliament, European Union Committee, Twenty-Fifth Report. <http://www.publications.parliament.uk/pa/ld201012/ldselect/ldeucom/260/26002.htm> (29.04.2012).
- European Commission (2011a). *The 2011 Report on R&D in ICT in the European Union*. Luxembourg: The Publication Office of the European Union.
- European Commission (2011b). *Innovation Union Competitiveness Report*. Luxembourg: The Publication Office of the European Union.
- Genov N. (1999). *Managing Transformations in Eastern Europe*. Paris: UNESCO/ MOST.
- Gill T. (2007). *No Fear: Growing Up in a Risk Averse Society*. London: Calouste Gulbenkian Foundation.
- De Grauwe P. (2011). 'What Kind of Governance for the Eurozone?'. In: Meeusen W. (Ed.). *The Economic Crisis and European Integration*. Cheltenham, UK ; Northampton, Mass.: Edward Elgar, pp. 7–16.
- Haller M. (2012). 'Values and Interests in Processes of Macro-Regional Integration'. In: Genov N. (Ed.). *Global Trends and Regional Development*. New York: Routledge, 25–44.
- Hertwig J. et al. (Eds.) (2010). *Global Risks: Constructing World Order through Law, Politics and Economics*. Frankfurt/Main, etc.: Peter Lang.
- IMF (2012a). *World Economic Outlook. Growth Resuming, Dangers Remain. April*. Washington, DC: International Monetary Fund. <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2012/01/pdf/text.pdf> (03.05.2012).
- IMF (2012b). *World Economic and Financial Surveys. Fiscal Monitor. Balancing Fiscal Policy Risks*. Washington, DC: International Monetary Fund. <http://www.imf.org/external/pubs/ft/fm/2012/01/fmindex.htm> (03.05.2012).
- Lorca-Susino M. (2010). *The Euro in the 21st Century: Economic Crisis and Financial Uproar*. Farnham, UK and Burlington, VT: Ashgate.
- Lynn M. (2010). *Bust: Greece, the Euro and the Sovereign Debt Crisis*. New York: Willey.
- Manolopoulos J. (2011). *Greece's 'Odious' Debt: The Looting of the Hellenic Republic by the Euro, the Political Elite and the Investment Community*. London: Anthem Press.
- Mundell R. A. (1968). *International Economics*. New York: Macmillan.
- Nelson R. M., Belkin P. and Mix D. E. (2011). 'Greece's Debt Crisis: Overview, Policy Responses and Implications'. In: Farkas H. J. and Murphy D. C. (Eds.). *The Eurozone: Testing the Monetary Union*. New York: Nova Science Publishers, pp. 65–94.
- Polanyi K. (2001 [1944]). *The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time*. Boston: Beacon Press.
- Renn O. (2008). *Risk Governance: coping with uncertainty in a complex world*. London etc.: Earthscan.
- Riet A. van (Ed.) (2010). *Euro Area Fiscal Policies and the Crisis*. Frankfurt am Main: European Central Bank.

Sinn H.-W. (2010). *Kasino-Kapitalismus: Wie es zur Finanzkrise kam, und was jetzt zu tun ist*. Berlin: Ullstein.

O'Sullivan M. (2009). 'EU's R&D Deficit'. In: *Knowledge for Growth. Prospects for science, technology and innovation*. Brussels: EU, pp. 10–12, http://ec.europa.eu/invest-in-research/pdf/download_en/selected_papers_en.pdf (03.10.2011).

Semieniuk G., Treeck T. van and Truger A. (2011). *Nothing Learned from the Crisis? Some remarks on the Stability Programmes 2011–2014 of the Euro Area Governments*. Düsseldorf: Hans-Böckler-Stiftung, IMK Working Paper 11, http://www.boeckler.de/pdf/p_imk_wp_11_2011.pdf (27.04.2012).

Togati T. D. (2011). 'Europe in Crisis: More Political Integration in the Eurozone is the Solution'. In: Della Posta P. and Talani L. S. (Eds.). *Europe and the Financial Crisis*. Houndmills: Palgrave Mackmillan, pp. 91–107.

Поступила в редакцию 03.06.12.

Перевод с английского кандидата социологических наук, доцента Е. В. Шкуровой

Г. Н. СОКОЛОВА,
ДОКТОР ФИЛОСОФСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР (МИНСК)

КОНЦЕПЦИЯ АНАЛИЗА БАЗОВОГО СЛОЯ КАК ВОЗМОЖНОЙ АЛЬТЕРНАТИВЫ СРЕДНЕМУ КЛАССУ В БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ

Развернута теоретически и обоснована эмпирически концепция анализа базового слоя как возможной альтернативы среднему классу в белорусском обществе. На материалах статистики и по результатам социологического исследования проанализированы состояние и тенденции развития базового слоя. Выявлено, что базовый слой замещает средний класс по количественным параметрам. Однако он не может претендовать на роль среднего класса как агента научно-технического и социального прогресса. Показано, что решение задачи перехода из базового в верхние слои связано с достойной оплатой квалифицированного труда и постоянным совершенствованием квалификации кадров.

The conception of analysis of the base layer as a possible alternative to middle class in Belarusian society is theoretically developed and empirically proved. The state and tendencies of the base layer development are analyzed with the materials of statistics and results of a sociological research. The base layer is revealed as the one replacing the middle class by quantitative parameters. However, it cannot apply for the role of the middle class to serve as the agent of scientific, technical and social progress. Solving the task of transition from the base layer to the top ones is viewed as connected with worthy payment for skilled work and constant perfection of personnel qualification.

Актуальность исследования базового слоя

Основные направления стратификационных сдвигов в белорусском обществе в период 1990-х гг. состояли в том, что социальная структура стала более подвижной и возросло многообразие социальных статусов. Однако нисходящая экономическая мобильность крупных социальных групп до 2000-х гг. доминировала над восходящей; начиная с 2005 г. восходящая мобильность преобладает, что способствует перемещению среднего слоя из диапазона от 1 до 2 бюджетов прожиточного минимума (БПМ) в диапазон от 2 до 4 БПМ и соответственно повышению средней заработной платы. Существенно изменилась и значимость компонентов социального статуса: если раньше положение людей определялось уровнем занимаемой должности, то теперь их социальный вес все больше определяется уровнем располагаемых ресурсов. Усилилась роль профессионально-квалификационного и культурного фактора в формировании высокостатусных групп и ослабла в социальной дифференциации большей части населения. Основной задачей государственной социальной политики становится экономическое, правовое и информационное содействие развитию различных форм социально-инновационной деятельности общества в сфере технико-технологического и социального прогресса.

За последнее десятилетие в Беларуси удалось достичь позитивной тенденции снижения численности малообеспеченных граждан: доля населения с доходами ниже бюджета прожиточного минимума снизилась с 41,9 % в 2000 г. до 5,2 % в 2010 г.¹ Однако в 2011 г. эта доля возросла до 7,3 %. Слой от 1 до 2 БПМ возрос